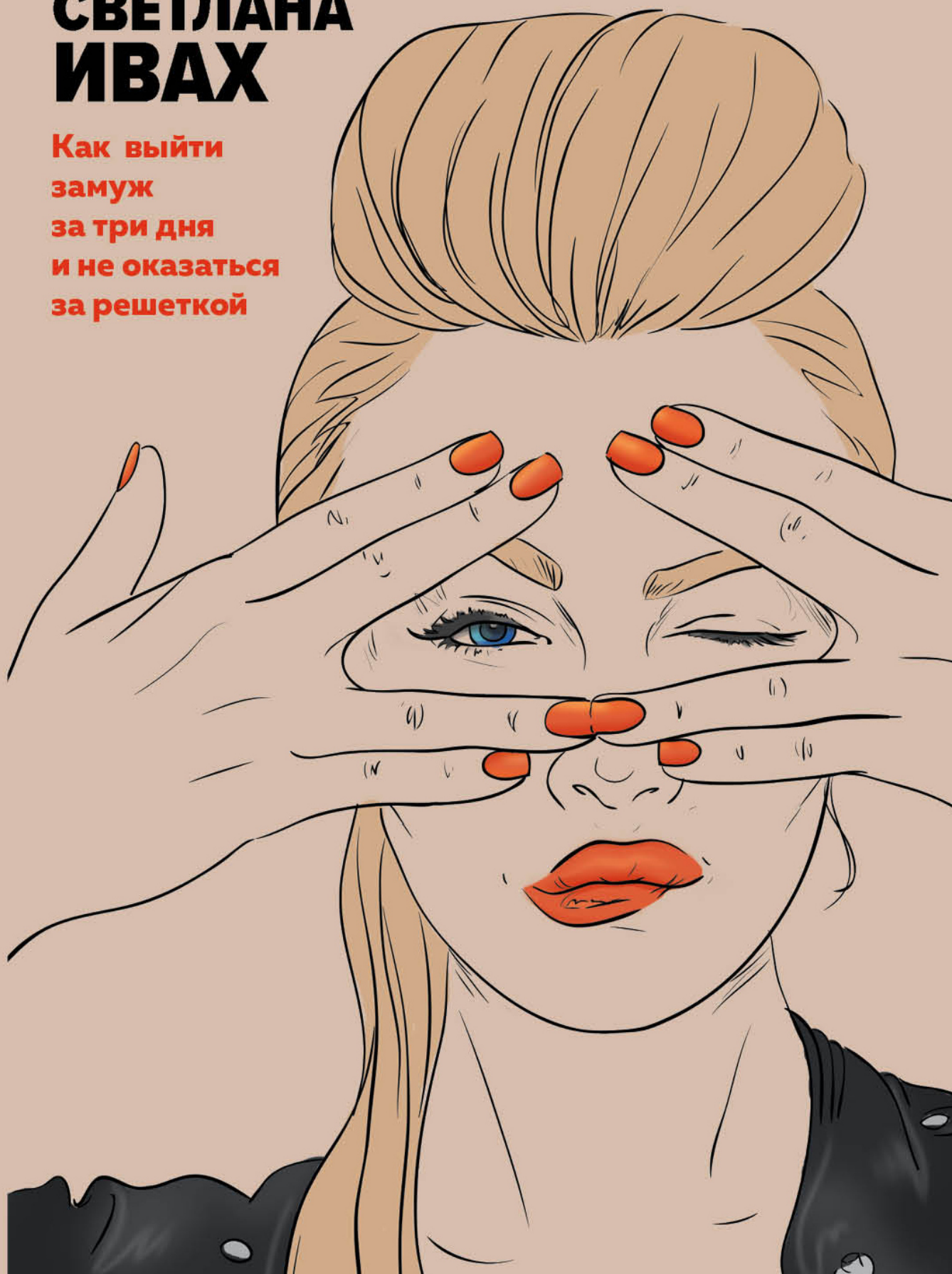

ДРЯННАЯ ДЕВЧОНКА

**СВЕТЛАНА
ИВАХ**

**Как выйти
замуж
за три дня
и не оказаться
за решеткой**

За мужем в Москву. Криминально-иронический роман

Светлана Ивах

Дрянная девчонка

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ивах С.

Дрянная девчонка / С. Ивах — «Эксмо», 2017 — (За мужем в Москву. Криминально-иронический роман)

ISBN 978-5-44-900682-0

«Вечная» тема (провинциалка приезжает покорять Москву) в новом исполнении! Мелодрама и криминал! Юмор и слезы! Новый, свежий взгляд на самый главный вопрос – о личном счастье. Какая девчонка не мечтает найти своего принца! А Марта, между прочим, спортсменка и красавица. А еще немного наивна и доверчива, но в этом даже есть свой шарм. Правда, едва Марта вышла из поезда и ступила на горячий московский асфальт, на этой доверчивости тотчас погрели руки мошенники. «Больше меня вокруг пальца не обведешь!» – сказала она себе, когда ее шансы жить на вокзале стали подозрительно высоки, и... угодила за решетку по подозрению в убийстве. «Первый блин комом!» – оптимистично решила Марта, чудом выйдя на свободу, и поступила в Школу элитных знакомств, где ее день и ночь дрессировали выживать в этом мире, грамотно охотиться на мужчин, умело ублажать их и вообще – выглядеть в их глазах верхом совершенства. И вот учеба окончена. Марте выдали конверт с координатами богатого бизнесмена, которого она в кратчайшие сроки должна женить на себе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-44-900682-0

© ИВах С., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Светлана Ивах

Дрянная девчонка

© Ивах С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Пролог

– Я молодая и красивая! Ничего, что плохо училась в школе, главное, соображалка работает. Еще я – здорова, даже очков не ношу. Я складно вру, хорошо ориентируюсь в любой обстановке и уверена, что знаю жизнь. К моим недостаткам относятся происхождение и нищета. Нет, я никогда не голодала и не донашивала обноски за сестрой. Ее у меня попросту не было. Но и своей единственной дочери родители могли дать немного: одежду с распродаж и с рынка, отстойный телефон и китайскую косметику... Я не говорю о белье. Хотя, возможно, моя наивная мама до сих пор считает, что я могу постыдиться похвастать им перед мужчиной... Ну или, на худой конец, сочту неприемлемым и вульгарным показаться в неглиже перед мальчиком. Я давно не вскрикиваю, когда вдруг меня застают голой. Напротив, мне нравится наблюдать за тем, как при виде моего тела парней берет оторопь, и я не премину воспользоваться ситуацией и состроить глазки. Просто обожаю их дразнить, на зависть закомплексованным подружкам... Перед самым выпускным я записалась на компьютерные курсы, а еще стала учить названия парфюмов и брендов одежды. Как-то мне на глаза в Интернете попала статья о том, какими приборами и что едят в ресторанах, а также из чего и как пьют. Это подтолкнуло меня к самостоятельному изучению этикета. Часть столовых предметов я попросту вырезала из картона. Другие, например, ножи, вилки и некоторые ложки, заменила теми, что были в наличии. Оставаясь одна, раскладывала на столе все это, как будто он уже был накрыт щепетильным официантом или домашней прислугой, и принималась за трапезу. Я со снисхождением ждала, когда франтоватый мужчина в лакейском полупоклоне откроет бутылку вина и разольет его по бокалам, роль которых в моем случае выполняли стеклянные фужеры, уцелевшие после отцовых дрызг. Отпускала его снисходительным кивком головы и тут же одаряла томным взглядом из-под длинных ресниц сидевшего напротив избранника... Я моделировала в голове разговор с ним. Вернее, задавала сама себе возможные вопросы своего принца и вслух отвечала на них...

– Дорогая, – обращался он и предлагал: – Вот, попробуйте устриц...

– Знаешь, милый, мне претит выцарапывать их... Это так неэтично и смотрится вульгарно.

Еще... Много чего еще я стала делать, чтобы подготовить себя к жизни в столице. Да, именно туда я собралась после того, как отзвенит последний звонок. Там мой парень. Правда, он еще этого не знает, но сразу поймет, как только увидит. Еще забыла добавить: он богатый высокий брюнет с голубыми глазами...

Глава 1

Родителей не выбирают

Утро началось привычно – с причитаний матери.

– Ой, беда-то какая! – донесся ее голос с кухни.

– ...Сначала никто серьезно и не отнесся, – понизив голос, рассказывал Степан. – Ведь лето! Мало ли?! Может, правда, ветерком где-то в акациях какое-нибудь паутинное гнездилище разворошило?

– А разве пауки гнезда делают? – спросила мать.

– Не знаю, – признался Степан и предположил: – Может быть. Ведь где-то они растут?

– Ладно, неважно, – успокоила его мать и попросила: – Продолжай!

Чтобы лучше слышать, я приподняла голову над подушкой. Было неудобно находиться в таком положении, но я хотела узнать, как на этот раз мой папик загремел в наркологический диспансер. То, что турнут и с этой работы, уже железно. Куда после такого?

– Так вот, он сначала к главбуху в коридоре пристал, – продолжал вводить в курс дела Степан. – Мол, у вас на плече паук! Она закричала и давай в проходе кренделя выписывать. А он ее одной рукой остановил, а второй этого паука убрал.

– Так был все-таки паук? – перебила его мать.

– Ну, ты, зараза, чем слушаешь? – возмутился Степан. – Нет, конечно! Казалось ему просто... Только и мы не сразу это поняли.

Мать с шумом вздохнула и всхлипнула:

– Понятно.

– А он ведь, Санька-то твой, еще и потеет после этого дела, – со смаком описывал папика Степан: – Мокрый весь, глаза шальные!

Мое воображение с ходу нарисовало портрет отца. Кроме всего, что перечислил материн полюбовник, оно к нему добавило дикий взгляд, торчащие над ушами от долгого лежания на подушке волосы и лиловые пятна на бледном лице. Отчего-то отец сначала представился в мятой майке, а потом в форме охранника.

– Стыд-то какой! – снова запричитала мать.

«Уймись, дай дослушать!» – потребовала я мысленно.

– В общем, за бухгалтером идет заместитель генерального директора, – продолжал Степан смаковать нашу семейную трагедию. – Твой Сашка уже без предупреждения берется освободить его от пауков, которых только он и видит!

– Господи! – протянула мать, подвывая, и всплеснула руками.

Я не видела этого, просто знала, что обращение к высшим силам мать почти всегда сопровождает подобным жестом. А поскольку быть свидетелем того, как маманька вспоминает Бога, мне приходится каждый день, то я могу на нее вовсе не смотреть, но знать, как она себя при этом ведет.

– Бросал он пустоту на пол и топтал «их» ногами с таким усердием, что мы сначала и не поняли ничего. – Все до того выразительно и натурально, что я, грешным делом, подумал, что это у нас просто зрение не такое, как у него, оттого и не видим этих пауков, – с нотками восхищения говорил Степан.

– И что дальше? – торопила мать.

– Заместитель генерального стал кричать: «Вяжите! Чего смотрите? Допился ваш контролер!» – передразнил он писклявым голосом начальника и подытожил: – В общем, пока «Скорая» не приехала, всей сменой пауков этих окаянных ловили.

На некоторое время в кухне воцарилась тишина.

– Как теперь жить-то? – задалась вслух вопросом мать.

Я потеряла всяческий интерес к теме. И так ясно, папенька надолго освободил нас от пьяных посиделок на кухне и скандалов по утрам. О том, какие он может выкидывать фокусы в состоянии «белой горячки», я знала. Знала даже медицинский термин этого явления – «алкогольный делирий». Поражало другое: как после всего этого снова можно начинать пить?

Мои мысли вернулись к выпускному. Перед глазами встала Маринка. Плять еще та! Но за выкрутасы в мой адрес теперь ответит.

«Мне кажется, этот узор я видела на занавесках в твоей кухне!» – снова прозвучал в голове голос Маринки и ее механический смех. Видеть Маринка этого узора на занавесках, конечно же, не могла по двум причинам: первая – эта сучка никогда не была у меня на кухне, и вторая – платье было сшито в ателье, из вполне приличного материала. Просто по цене он, конечно, и рядом не стоял с теми, что надела половина моих подруг, однако на один раз годилось и так, да и смотрелось, что говорится, ровно!

«После того как Маринка ответит за свои слова, рвану в Москву!» – подумала я. Хотя, если не ответит, все равно рвану. Это цель и мечта всей моей только начинающейся жизни.

Я села на кровати и прислушалась. Мать тихо плакала. Степан ее успокаивал. Как всегда. Наверняка он занимается с ней этим со школы. Интересно, мать догадывается, что я знаю, как далеко он зашел в своих сочувствиях? Думаю, как уйду, тихий разговор перейдет в пылкие вздохи, шлепки и стоны. Теперь можно и днем, ведь папика в наркологии будут держать не меньше месяца. На душе сразу стало как-то мерзко, мать – та еще гадина. Ну да ладно, это не мои проблемы. А отцу так и надо!

Веселенькое дельце, чтобы купить билет, мне пришлось тиснуть у бабки гробовые. «Тиснуть у бабки бабки!» – неожиданно подумалось мне, и я загордилась рифмой слов. Но совесть не мучила. Ведь я их верну. Может быть, даже раньше, чем она хватится. Тем более взяла я их вчера, а сунется она в свою банку с горохом лишь только после следующей пенсии, чтобы положить очередную пятитысячную купюру.

Перед глазами возникла пачка хрустящих банкнот, и тут меня осенило:

«А что, если сделать так, чтобы она и вовсе не хватилась? Например, взять и на принтере напечатать всю сумму! Потом, когда у меня все наладится, просто поменять и все! Ведь если узнает, что я украла, умереть может! Восьмой десяток уже».

Воодушевленная идеей, я сползла с кровати и устремила в ванную, на ходу размышляя над тем, стоит или нет вообще заморачиваться? Ведь бабка, как-никак, мать моего отца, который ни меня, ни свою жену обеспечить не может по причине своего воспитания. Хотя он считает, что причина в другом, да и я отчасти в душе с ним согласна. Папенька мой, еще не будучи оным, женился на моей маменьке по «залету». Никакой любви промеж ними не было, да и не могло быть, поскольку папенька тогда вздыхал по бывшей однокласснице, которая вышла замуж за другого, а маменька должна была, но не смогла дождаться своего суженого из армии, в которой в те времена служили аж два года. Не смогла по причине то ли нетерпения, то ли обыкновенной бабьей глупости, а может, тоже, как и все девчонки в нашем классе, из любопытства. Но мы в отличие от своих предков более продвинуты в плане секса, да и не стыдимся, если в аптеке препарат какой надо прикупить. Мать же как-то говорила, что они даже вслух слово «презерватив» произносить не могли. Я снова вспомнила душещипательные истории отца о том, как женился он по залету.

«Значит, залет – это я», – в который раз беззлобно подумала я и улыбнулась. И все же я на них не в обиде. Это надо же, не по любви, случайно и всего один раз. А что получилось?! Блеск!

Я включила воду и залюбовалась своим отражением. Оно смотрело на меня из-под длинных ресниц своими голубыми глазницами и улыбалось алым ртом. Волосы золотой волной спадали на плечи. А фигурка! Грудь размером с две небольшие дыньки венчали аккуратные сосочки-розочки, даже у меня вызывавшие восхищение. Я могла подолгу любоваться соб-

ственным телом в отражении, разглядывать синие венки под нежной кожей и редкие родинки в интимных местах. Нет, природа на мне точно не отдыхала...

Глава 2

Больше чем друг

На улице было душно. Полуденное солнце раскалило островки асфальта. Пахло тополем, разогретыми шпалами и помойкой, а воздух казался липким.

«Наверное, с этим запахом у меня будет ассоциироваться детство», – вяло подумала я, направляясь через пустырь.

В разные стороны из-под ног разлетались кузнечики, стрекотали стрекозы.

Лешка-Контекст сидел на капоте «Москвича», брошенного на задворках гаражей, и курил. Он был старше меня на два года и на голову выше. При моем приближении Лешка даже ухом не повел. Но в душе он рад моему появлению, просто держит марку невозмутимого и рассудительного «пацана». Смешно наблюдать, еще смешнее подыгрывать. Но так надо. Так сложилось. Сейчас раздвинет колени и плюнет. Это тоже своего рода ритуал.

– Чего один? – спросила я скучным голосом.

– Это вопрос? – хмыкнул Лешка.

– Ну да, – подтвердила я.

– Тогда затрудняюсь ответить, – признался он и пояснил: – Глупый вопрос.

– Ты Маринку видел?

– Какую? – Лешка развел колени и небрежно плюнул.

«Есть!» – подумала я, а вслух уточнила:

– Цапкову.

– Зачем тебе? Вы же не подруги.

– Вот как раз поэтому она мне и нужна.

– Снова что-то не поделили? – угадал он с ходу.

Я молча кивнула.

– Утомилась бы ты, Марта, – стал наставлять Лешка, словно старший брат, и с назиданием напомнил: – Все, школа кончилась! Не сегодня завтра разбежитесь все. А ты все счета сводишь...

– Она меня сильно обидела, – призналась я, готовая расплакаться.

Нет, не оттого слезы навернулись, что слова Маринки про платье так больно затронули мое самолюбие. И не в том причина, что Маринка удачливее даже тем, что родилась не в семье пьяницы и неудачницы, а у людей, живущих в достатке и непьющих. Душила обида, потому что Лешка прав. Снова я выставилась в его глазах последней дурой, которая все никак с детством расстаться не может. Лешка мне не нравился. Вернее сказать, я к нему просто привыкла. Жили в одном дворе, росли вместе. Ясли, детский сад, школа. Еще Лешка был моим первым парнем и поэтому считал меня в доску своей. Мне вдруг стало смешно. Я вспомнила, как он переживал целый год. Сначала, что я залечу, потом, что слухи о первом опыте дойдут до ушей родителей. Он и сейчас не прочь и наверняка предложит. Я огляделась, словно предложение уже поступило.

«Наверное, к себе потащит», – подумала я, размышляя, стоит или нет поддаться на уговоры, и одновременно высчитывая в уме, кто у него сегодня может быть дома. Мать, работавшая на заводе, вчера была во вторую смену, значит, сегодня в первую. Отец – дальнобойщик, еще неделю назад ушел в рейс.

«Значит, никого», – отчего-то обрадовалась я.

Странно, столько раз с ним было, и всегда заново интересно! О нашей тайне знали все, но я и не парилась. Как не парилась о том, что и об остальных моих романах и приключениях

среди сверстниц ходили легенды. Все равно здесь не жить. Зато живу, как хочу, и большинство моих подруг этому завидуют...

– Я Маринку у магазина видел, – вспомнил, как бы между прочим, Лешка и предположил: – На шашлыки вроде как она собиралась.

– С кем?

– Как всегда, со своим мажорчиком.

– С Пашкой, что ли?

– Пашка тоже там был, – подтвердил Лешка.

– Почему тоже? – насторожилась я.

– К ним в машину еще Вика садилась.

Пелевина Вика была моей «подшефной». Со стороны могло казаться, что мы подруги, а на самом деле просто мне нравилась эта размазня, которая каждое мое слово ловила с открытым ртом. Подспудно я самоутверждалась на фоне этой круглой дуры и отличницы. Странное сочетание, но так бывает. Серые, бесцветные глаза, обрамленные ресницами с подпалинами, и рыжие волосы, которые она стягивала в конский хвост, делали ее дурнушкой. У нее была бледная кожа, усыпанная веснушками. Парни часто делились со мной впечатлениями об этом «чуде». Больше всего их сместила спина, тоже покрытая веснушками, и слегка обвисшая на скулах кожа. Вика не воспринималась как девушка, и я не исключала, что она не расстанется со своим «богатством» никогда. Поводом была не только внешность. Ее отец, Василий Петрович, был личностью незаурядной, свою дочь, вопреки мнению большинства жителей нашего городка, считал писаной красавицей. Сам он был под два метра ростом и с трудом втискивался в выдавший виды джип, на котором приехал аж из самих девяностых. Поговаривали, что незаурядная внешность и титул мастера спорта по боксу позволили в смутные времена сколотить на ниве рэкета небольшое состояние. Василий Петрович владел автопарком из двух грузовиков, в котором исполнял, кроме всего прочего, обязанности директора и автомеханика в одном лице и брал на себя львиную долю всех городских перевозок.

Все это сейчас роилось в моей голове, сопоставлялось и переваривалось. Само присутствие Вики на пикнике было мне с руки. Ведь, случись что, она станет «засланным казачком». Я знала, что эта мошь меня поддержит. Только как она оказалась в этой компании? Хм! Много ума не надо. Кто-то из пацанов захотел экзотики. Размышляя, как использовать данный факт в своих интересах, я вдруг подумала, что на правах ее покровителя просто обязана хотя бы чисто символически присутствовать при данном действе. Тем более все знали, что Вика, по сути, моя фрейлина. Вот и повод есть разбавить эту компашку своим присутствием. А там, глядишь, подвернется случай отомстить Маринке. Два в одном. Приятно проведу время и расквитаюсь с этой чушкой.

– Поехали! – сказала я, сползая с капота.

– Куда? – изумился Лешка.

– На канал.

– Зачем?

– На хвост мажору упадем, – объяснила я то, о чем он и так уже догадался, но «включил дурака».

– На чем только туда ехать? – спросил Лешка.

– Как на чем? На твоей!

– Бензина нет.

– Туда что, много надо?

– Так и столько нет!

– Утомил ты меня! – рассердилась я, размышляя, где раздобыть горючее. И тут меня осенило: у меня же есть деньги! Как я сразу не подумала! Конечно, они на дорогу и на первое время жизни в Москве. Но выделить на десять литров можно. К тому же я собиралась напеча-

тать копии купюр! Но сразу признаваться Лешке в этом я не собиралась, надо немного набить цену.

– Может, у Сашки займешь?

– Я еще старый долг не отдал, – признался он тусклым голосом.

– Тогда пешком? – перебирала я варианты.

– Ближний свет! – изумился Лешка.

– Хорошо, – сдалась я и, отряхивая руки, предложила: – Давай до моего дома прогуляемся?

Глава 3

Шашлыки и выпендрей

– Здесь они должны быть. – Лешка повернул руль и съехал с проселка.

Машины трянуло, а по корпусу застучали ветки кустов.

– Тише! – предостерегла я. – Не дрова везешь!

За деревьями заблестела вода, а в салоне запахло дымом костра и жареным мясом.

– Приехали! – обрадованно объявил Лешка.

Мажор со своей компанией расположился на старом месте. Здесь, в тени разросшихся берез, кто-то из горожан сколотил из грубых досок стол и соорудил над ним навес. Судя по одноразовым тарелкам с остатками закуски и пластиковым стаканчикам, веселье было в самом разгаре. А если быть точнее, никто не ждал, когда дозреют шашлыки, и уже начали пить...

Я не вышла сразу из машины, а, подражая девушкам из кино, продолжала сидеть. Нет, еще каких-то пару дней назад я бы не заморачивалась. Да и вообще в мыслях не было бы, чтобы за мной ухаживали. Но сейчас, что говорится, перемкнуло...

Лешка выбрался из-за руля и поприветствовал дружков:

– Привет!

Парни у мангала вразнобой ответили.

– Чего сидишь? – поинтересовался Лешка, заглянув в салон.

– Может, двери откроешь и руку подашь? – зло бросила я.

– Ты что, охренела? – прорычал он и выпрямился.

В лицо ударила кровь. В кои-то веки! Что происходит? Да ничего. Просто показал мне свое место. Место последней шалавы... Ну, погоди у меня! Обида душила. Да что это со мной? Я с трудом открыла дверцу. Нет, пора наказывать за такое отношение. Возможно, сегодня и начну. Для начала покажу отворот-поворот. Пусть ищет себе новую подстилку. Да и вообще надо с ним завязывать! Мало ли? Он непонятно с кем еще имеет такие же отношения, наградит еще перед отъездом каким-нибудь «букетом»!

Веселье было в самом разгаре. Но больше всего меня поразила Вика. Она была в белом с синими полосками платье и уже так набралась, что с трудом сидела на скамейке.

– Мы не опоздали?

– Ты, Марта, как всегда, вовремя, – похвалил Кузя и стал поливать угли водой из пластиковой бутылки.

– А что с Викой? – задала я следующий вопрос, шаря по сторонам взглядом.

Я не могла взять в толк, где Маринка. И вообще не видно было и машины мажора.

– Развезло Вику с непривычки, – между тем пояснил Кузя.

– Так уж и с непривычки, – зло проговорила я, – небось ты и постарался.

– Ну, не без этого, – подтвердил Кузя и слащаво улыбнулся.

– Папашу ее не боишься?

– Только это пока и держит, – признался ловелас и неожиданно предложил: – Может, уединимся?

– Слушай, ты, уединяльщик! Метр с кепкой, а туда же?

– Чего раскричалась! – Кузя вмиг пришел в норму и бросил по сторонам испуганный взгляд. – Я же пошутил.

– А я нет, – продолжала я играть на публику и заявила: – Молодой еще!

– Скажешь тоже! – возмутился он.

– Скажу! – вдруг вспылила я. – Прежде чем отец тебе машину доверил, что заставил сделать?

– Ну, на права сдать, – ответил Кузя, хлопая глазами.

Он никак не мог взять в толк, с чего я злюсь. А злилась я в тот момент за весь женский род! За несчастную мать, тащившую по жизни отца-пьяницу и меня непутевую, за ее сестру, разродившуюся крикливым Петькой, за соседку нашу, жену «ботаника», которая скрашивала ночи с другим мужиком, за миллионы молодых и неухоженных женщин с уставшими лицами. За всю ту половину человечества, которую поэты называют «прекрасной». За всех тех, кто по вечерам толкает перед собой коляски, по ночам качают кровати, а днем таскают с магазинов сумки...

– Вот! – торжественно протянула я и погрозила ему пальцем. – Для того чтобы машину водить, ты на права сдал! А чтобы ребенка заделать, даже справку в больнице не берешь!

– В какой больнице? – не понял Кузя.

– Во всех! Так же, как и на права. От психиатрической до анализов крови и мочи.

– А это зачем? – шутливо ужаснулся он.

– Чтобы наследственность определить. И вообще пора разрешение на женитьбу ввести. Не можешь жену обеспечить, живи с резиновой бабой!

– Ну, загнула! – восхитился Кузя.

Я ощутила на талии чью-то руку. Впрочем, почему чью-то? Только Лешка мог позволить себе такую вольность.

– Ты чего завелась? – спросил он на ухо.

«Так, – подумала я. – И этот туда же», – а вслух объяснила:

– Безответственно вы подходите к тому, чтобы переспать!

– А тебе кто-то предложил? – насторожился он.

Кузя торопливо сгреб шампур и рывкнул, правда, сорвавшись на фальцет, видимо, от страха:

– Налетай!

– А Маринка где? – допытывалась я.

Лешка протянул руку и взял два шампура.

– Будешь? – спросил он.

Я поморщилась и с раздражением повторила:

– Маринка где?

– Кататься уехали, – сообщил все тот же Кузя и протянул мне стаканчик с какой-то розовой жидкостью.

– Что это?

– Вино, – пояснил он.

– Я поняла, что вино. Какое?

– Да хрен его знает, – ответил Кузя и показал взглядом на кусты, у которых валялась коробка с надписью «Каберне».

Я выпила. Терпкое и очень приторное. Нет, по мне лучше пиво. Хотя, говорят, оно вреднее...

Послышался гул двигателя.

– Едут! – сказал кто-то, и я обернулась.

Через рощу к берегу ехали «Жигули» мажора. За рулем сидела Маринка.

Машина поравнялась с костром и встала.

Мажор выбрался с пассажирского сиденья. Маринка последовала его примеру.

– Ну, как ученица? – поинтересовался Лешка, отвечая на рукопожатие мажора.

Тот одарил свою пассию благодарным взглядом, наверное, за то, что не угробила его в дороге, и похвалил:

– Уже сама кого хочешь научит.

– Да ладно! – не удержалась и съязвила я.

– Точно говорю, – стоял на своем мажор. – Знаки подучит и может сдавать на права.

Отчего-то я вспомнила свои слова насчет отцовства и водительского удостоверения и разозлилась. Скотина все же этот мажор. Ведь не давала бы она ему, он бы ее за руль не пустил. А так – баш на баш, ты мне, я тебе. У женщины всегда есть товар, который она может выменять на что угодно. Можно просто «за покататься», можно выпросить колечко или даже дом.

– А слабо со мной наперегонки! – выпалила я.

– На чем собралась гоняться? – настороженно спросил Лешка и невольно оглянулся на свой раритет.

Он, конечно, угадал. На чем же еще? Но только мажор Маринке тачку не доверит. Тем более погонять. Глупости! Ляпнула просто так, чтобы что-то сказать, а получилось, показала собственную удаль. Однако Маринка неожиданно загорелась и приняла вызов:

– А давай!

– Э-э-э! – протянул мажор и потребовал: – Вы тут заканчивайте!

– Испугался, что машину разобьет? – бросилась я в наступление, словно мне Лешка уже свою обещал дать. Для этого я должна с ним пошептаться и сказать пару заветных слов. А точнее, обнадежить, что, по крайней мере, вечер он проведет в обществе классной телки...

Глава 4

Салки по-взрослому

Ощущение падения тошнотворной болью вырвало меня из темноты. Причудливые, ярко-черные пятна в ослепительно-желтом трауре расплзались в стороны, оставляя на мне странные, тонкие нити, которые резали болезненную пустоту...

Что это? Пульсирующий гул наполнил форму, которую я вдруг ощутила и поняла, что это мое тело... Состояние было похожим на то, что чувствует рука, которая долго находилась в одном положении и которую освободили от груза. Только ярче и звонче топают стальные лапки муравьев в облаке моих ощущений... Я выплыла в темноту из радужных воспоминаний непонятного, но приятного сна и разлепила веки. Свет ворвался куда-то в самый мозг и взорвался болью. Я вскрикнула и зажмурилась. Но снова осторожно открыла глаза.

– Ожила! – раздался голос.

«Странно, что делает Лешка в моей комнате?» – подумалось мне.

Кто-то просунул мне руку под спину и вынудил сесть. Наконец я обрела способность созерцать окружающий мир. Хотя пока с трудом находила объяснения эффектам, возникающим перед глазами, но уже понимала, где верх, а где низ. Первое, что я увидела, – это стоящих вокруг людей. Отчего-то они были ослепительно-белыми. Неестественность этого вызвала страх, и я решила подбодрить себя шуткой, подумав вслух:

– Я что, умерла, а это ангелы? Или меня похитили инопланетяне?

– Она что-то сказала? – спросил кто-то.

– Бормочет что-то, – ответил другой.

Стало доходить, что разговаривают между собой мужчины. Причем взрослые. Еще я поняла, что мою речь не смогли разобрать. Однако это не напугало. Скорее удивило, и то лишь слегка.

«Странно, среди нас никто не имеет таких голосов», – размышлял кто-то в моей голове моим голосом.

Раздался смех. Отчего-то он успокоил. Смеялись где-то далеко.

Я вспомнила, что была на пикнике и выпила. Больше ничего.

Из зеленого тумана выплыли кустарник, стволы деревьев и что-то странное из синих лепестков. Неожиданно до меня дошло, что цвет этих ошметков точно такой, как и у машины мажора. Ошметки стали дергаться, и я вдруг увидела машину, обнявшую, что говорится, бетонный столб. Причем врезалась она в него боком.

«Выходит, мажора раскрутило на дороге», – размышляла я вяло.

Перед лицом появилась чья-то ладонь. Она двинулась вверх, потом вниз.

– Эй! – окликнул кто-то над головой и спросил: – Ты нас видишь?

Только после этого вопроса я поняла, что торчащие снизу кроссовки надеты на мои ноги, а сама я сижу, прислоненная к чему-то твердому. От этого осмысления я стала чувствовать свое тело. Даже не так, я ощутила боль, которая наполнила его форму. Еще я вспомнила, что нечто подобное было минутой раньше. Только вместо боли был странный, густой гул.

– Ой! – вскрикнула я, когда боль дошла до кончиков пальцев на ногах и закрутила даже ноготки. – Ой! Что это?

– Хорошо тебя шарахнуло, – произнес Кузя.

– Где я?

Боль стала притупляться.

Наконец передо мной присел на корточки Лешка.

– Ты что, правда, ничего не помнишь? – спросил он, испытующе вглядываясь в глаза.

– Что со мной?

– Ты мне машину в хлам разбила! – объявил он и добавил: – Сука!

– Вот те раз! – Я вдруг пожалела, что пришла в себя, а потом испугалась и пропищала: – А почему я ничего не помню? Я что, теперь дура?! – и даже не поняла, как оказалась на ногах.

На дороге, у машин, суетились какие-то люди. Среди них я увидела двух человек в синих костюмах, какие носят врачи. Они стояли рядом с каретой «Скорой помощи» и что-то говорили полицейскому.

– А почему они ко мне не подходят? – с легким возмущением произнесла я.

– Цыц! – цыкнул на меня Лешка и задвинул себе за спину. – Еще не хватало, чтобы узнали, что ты за рулем была.

– Я?! Да ладно!

Я коснулась своей головы. Волосы оказались мокрыми, а справа, над ухом, нащупывалась огромная шишка, причем она двигалась под пальцами, отчего мне стало уж совсем нехорошо.

– Лешенька, у меня что-то оторвалось! – провыла я.

– Молчи, дура! – зашипел он, следя за полицейскими.

– Лешенька, позови врачей! Я кость шатаю...

– Это ты об стойку ударилась, – сказал со знанием дела Кузя.

– А Маринке, по ходу, триндец! – заключил кто-то.

Я обернулась и как-то сразу не узнала Вику. А когда поняла, кто передо мной, спросила:

– Что с ней?

– Она на дорогу из-за руля вылетела, – объяснил Кузя. – Задницей об асфальт.

– Как мяч, прыгала, – подтвердил Лешка.

– А ты откуда знаешь? – спросила я.

– Так с тобой же ехал.

Тут постепенно я стала вспоминать, как Лешка дал ключи, как села за руль и выехала на шоссе. Вспомнила прямую как стрела трассу, промелькнувший знак «Поворот направо». Вопль Лешки: «Куда она прет?!» Сбоку выплыл синий бок «Жигулей» мажора. Что-то щелкнуло у меня тогда в голове. Я смотрела перед собой, но странным образом отчетливо видела лицо Маринки. Оно было сосредоточенно-напряженным, а губы сжаты. Сидевший сбоку мажор бил ладонью по пластику панели и кричал: «Давай! Давай!»

Я вспомнила, как слегка повела рулем влево. Испугавшись, Маринка дернулась и...

– А что с мажором? – спросила я, холодея от страха.

– Он через лобовое «вышел», – сказал кто-то и подленько захихикал.

– Да ладно! – одернул Лешка. – Просто лбом разбил. Он в машине так и остался.

– Он что, умер? – От ужаса, что я убила человека, внутри все стянуло, а во рту пересохло.

– Ага! – хохотнул Кузя. – Даже до «Скорой» сам добежал.

– Звиздец! – сказал кто-то.

С шоссе послышался скрип тормозов.

– Ё! – протянул Лешка и стал пятиться к кустам.

– Ты чего? – спросил Кузя и тут же понял, что так напрягло дружка. – Отец?

– Откуда он узнал? – спросил, ни к кому не обращаясь, Лешка и взял меня за руку.

– Кто-то позвонил, – высказал очевидное незнакомый крепыш в кепке. Скорее всего, это был обычный зевака, проезжавший мимо и решивший поглазеть на чужое горе.

– Ясно, кто! – догадался вдруг Лешка и зло сплюнул под ноги. – Машина-то на него оформлена.

Он увлек меня к кустам, и мы двинули вдоль дороги, прикрываясь деревьями.

– Ему сейчас лучше на глаза не попадаться, – рассуждал на ходу Лешка. – Убьет.

– А машина сильно разбита? – спросила я слабеющим голосом. Хотелось упасть и не шевелиться. Голова наливалась тупой болью, и сильно тошнило. Перед глазами то и дело начинали появляться черные точки, а то и вовсе темнело, словно солнце закрывала туча.

– Да не так чтобы очень, – ответил он, не замечая моего состояния. – Но вложиться придется.

– В смысле? – не поняла я.

– Деньги! – пошевелил он перед моим носом пальцами в знакомом всем жесте.

Отчего-то я разозлилась и вырвалась. Лешка не обратил на мою выходку никакого внимания и продолжал идти. Я подавила приступ обиды и поспешила следом. Идти было тяжело. Я едва успевала прикрываться от веток руками. Ноги вязли в траве.

Кустарник закончился, и мы оказались среди берез. Я догнала Лешку, и мы пошли рядом. Ступать правой ногой было больно, но я терпела. Вернее сказать, было не до того, чтобы сейчас обращать на это внимание.

– Я долго была без сознания? – спросила я.

И так знала, что долго. Ведь успели от машины оттащить и полицию дождались. Спросила больше потому, что боялась упасть. Вдруг Лешка не заметит, да так и уйдет? А потом подумает, что я домой сбежала. Так и помру в этом лесу.

– Ты сознание не теряла! – ответил он.

– Как это? – От удивления я даже остановилась.

– Ты, правда, ничего не помнишь? – не поверил Лешка и тоже остановился.

– Да нет же! – в сердцах топнула я ногой.

– Мы перевернулись дважды, – стал он рассказывать. – Ты так головой ударилась, что я думал – все! А как на колеса встали, отстегнула ремень, открыла дверь и в лес. С трудом догнал...

– Правда? – не поверила я.

– Правдее некуда. – Он двинул дальше, продолжая говорить. – Напролом через кусты и не разбирая дороги. Наш физрук бы точно охренел...

– Да ладно!

– Ты себя видела в зеркало?! – поинтересовался он.

Вопрос по меньшей мере глупый. Когда я должна была успеть рассмотреть себя в зеркало? Но тон, с которым он был задан, заставил меня затрястись.

– А что я должна там увидеть? – спросила я, немея от страха.

Вместо ответа он тихо засмеялся.

Я поднесла руки к лицу. Они были в зеленом соке растений и в ссадинах. На запястье красовался порез, локоть кровоточил. Ко всему я с ужасом поняла, что сломала почти все ногти. Под их остатками был траур грязи и зелень...

– Чего стоишь? – окликнул Лешка, и я устремилась следом.

Он шел быстро. Мне же каждый шаг отдавал в голову болью. Я едва поспевала за ним. Еще тормозил целый ворох вопросов.

– А лицо?! – спохватилась я и додумала то, что вслух не решилась произнести: «Может, оно тоже все изрезано, просто из-за шока я ничего не чувствую?»

– Я думал, ты глаза ветками себе выколешь, – продолжал Лешка свой рассказ и восхитился: – Так нет же, ни царапины!

– Ни царапины! – воскликнула я с облегчением.

Следом никто не шел, и мы повернули к шоссе.

Меня вдруг обдало жаром. А что, если все это случилось из-за того, что я забыла талисман, который на ночь снимала? Рука тронула шею в том месте, где должна быть цепочка, и скользнула по ней ниже, к груди. Мой гном-трубадур оказался на месте. Маленький, из серебра, он достался мне от бабушки по линии матери. Вернее, я нашла его среди разных без-

делушек в шкатулке после ее смерти. Мать вспомнила, что бабушка носила его, когда была молода, и верила, что трубадур приносит удачу. Никто не знал или просто не помнил, откуда он взялся, но берегли, как реликвию. Я поверила в его силу и с тех пор не расставалась.

– Ты это... – Лешка оглянулся по сторонам и сказал напоминающим тоном: – Деньги когда принесешь?

– Какие деньги? – ужаснулась я, заранее зная, о чем речь.

– Как какие?! – переспросил он возмущенно и напомнил: – Те, что с тобой ксерили у меня!

– Они мне самой нужны! – нагло выпалила я.

– Постой! – замедлил шаг Лешка. – Уж не хочешь ли ты сказать, что я машину за свой счет восстанавливать буду?

Меня охватила злость. Да что там! Желание вцепиться обломками ногтей в ставшее вдруг ненавистным лицо было таким, что я сжала кулаки. Лешка не заметил этого и продолжал идти. Я глядела ему в спину. В горле стоял ком, а на глаза навернулись слезы обиды. И тут я увидела палку, вернее, сук, свалившийся с дерева, и вдруг подумала, что было бы эффектно навернуть Лешку этим суком по голове. Догнать и огреть так, чтобы, как и я, потом ничего не помнил. А когда очухается, сказать, будто этот сук ему на голову сам и свалился.

– А мне ты, значит, рожать предлагаешь?! – вдруг заявила я.

– Ммм! – промычал Лешка и, остановившись, часто заморгал.

– Рожать?

– Папой, значит, хочешь стать? – продолжала я осторожно, одновременно наблюдая за переменами во внешности Лешки. Стало до ужаса интересно, как он отреагирует на такую новость. Странно, но я вдруг поверила в то, что говорю.

– Хм! – хмыкнул он.

– Я, конечно, могу заплатить тебе за разбитую машину, только в таком случае ответственность за содержание ребенка берешь на себя ты, – покачала я головой. – А это уже совсем другие деньги.

Видела бы его лицо мама! Она наверняка подумала бы, что ее сыночек разом съел целый лимон. Глаза вылезли из орбит, рот открылся.

– Повтори, что ты сказала! – потребовал Лешка.

– Я беременная, – опустив глаза, повторила я.

«Только бы он сейчас не заявил, что рад и собирается на мне жениться!» – подумала я с ужасом, упрекнув себя, что не обдумала такой вариант развития событий.

Но Лешка-Контекст повел себя в соответствии с жанром.

– Чего? – протянул он, изображая недоумение человека, который «не при делах». – А ты уверена, что мой?

– А, кроме тебя, у меня в этом году никого точно не было...

– Ты уверена? – повторил он.

Нет, несмотря ни на что, Лешка не собирался на мне жениться. Да, я нравилась многим, если не всем мальчишкам в классе. Но моя репутация ставила на мысль о женитьбе у них некую блокировку. Да, любой был не прочь переспать со мной, но не более, и я это чувствовала. Еще вдруг поняла сейчас, почему говорят, что одних любят, а на других женятся. Самолюбие у мужчин такое, что они не видят свое сосуществование с доступной женщиной. Собственное умозаключение привело к тому, что я вдруг возненавидела Лешку и всех мужчин в его лице разом. Мне стал казаться мерзким его вздернутый нос, губы, а запах – отвратительным.

– В чем я должна быть уверена? – спросила я, стараясь говорить спокойно.

– Что беременна и что никого не было, – пояснил Лешка.

– Тест сегодня утром показал, – соврала я, размышляя, где найти теперь подходящий фломастер, чтобы дорисовать на нем вторую полоску. Кто-то говорил, что для этих целей

лучше подходит карандаш. Потом только следует тест слегка намочить. Вообще я собиралась таким образом раскрутить Лешку на деньги для аборта, который якобы нужно делать именно в Москве. Ведь в нашем городке обязательно об этом узнает каждая собака. Нет, конечно, могу родить и осчастливить молодого дедушку, Лешкиного отца, но стоит ли? Теперь денег я с него не получу, но зато сохраню те, что тиснула у бабки...

Глава 5

Взрослый попутчик

Я едва хотела отложить телефон на столик, как он пискнул, и на экране появился ответ от Вики:

«...Главное, паспорт никому в руки не давай!»

– Достала уже! – подумала я вслух и набрала: «За меня не волнуйся, лучше скажи, как там Маринка?»

Ответ не заставил себя ждать.

«Ноги отнялись, ходить не будет», – появилась строчка.

Это я знала и без нее, но в душе надеялась, что врачи ошиблись и Маринка все же выздоровеет. Страх за то, что сотворила, обида на весь мир, ставший во одночасье враждебным и чужим, жалость и непонятная тоска накатили с новой силой. Я еще не понимала, чего, собственно, больше боюсь – ответственности, если все всплывет, или отсутствия каких-либо шансов у Маринки? Переживания за ее судьбу не притуплялись, а, напротив, становились все сильнее. Оно и понятно, ведь вначале никто даже и не думал, что она может остаться инвалидом. Все обиды на эту деваху, которой судьба подарила богатенького отца, враз пропали. Ее колкости теперь казались наивными и безобидными. Нет, немного не так. Они не стоили того, чтобы посадить Маринку в инвалидную коляску на всю оставшуюся жизнь. Боже, а ведь до злополучных гонок у нее были планы! Куда она там собиралась? В педагогический? Еще мечтала о детях... Интересно, а с отнявшимися ногами можно с мужиком или нет? «Конечно, можно, но кто согласится?» – ответила я сама себе.

Мои пальцы нащупали на груди гнома-трубадура, и я мысленно стала просить его:

«Сделай так, чтобы Маринка смогла ходить! Пусть ученые найдут способ, который поставит ее на ноги...»

На глаза навернулись слезы, а к горлу подступил ком.

– Какая же я дура! – вырвалось у меня.

Послышалась возня, и с верхней полки свесилась косматая голова.

– Ой! – смутилась я. – Извините, совсем забыла!

Этот пассажир садился ночью. Я хорошо помнила, он долго выяснял у проводника, почему постель на его полке не заправлена и как ему теперь со всем этим справиться в темноте.

Круглолицая блондинка с уставшим взглядом терпеливо отвечала, что такая услуга лишь в вагонах «люкс» либо в фирменных поездах, и то не на всех направлениях. Мужчина включил фонарь, который установлен в изголовье, и стал изучать свой билет. Я уснула. Свет мне не мешал. Шум тоже. Давно привыкла.

– Ничего страшного, все равно вставать пора, – успокоил меня мужчина. – Вы меня тоже простите, я ночью немного пошумел.

Мне вдруг стало неудобно. Я совсем еще соплячка, а этот уже взрослый мужчина обращается ко мне на «вы»! У нас в городке такого не услышишь. Даже продавцы в магазине, кому по определению положено быть со всеми без исключения вежливыми, до такого, как говорится, не опускаются, а то могут и вовсе послать куда подальше. Особенно тех, кто просто поглазеть на товар приходит, ничего не покупает и проводит время, словно в музее. Для большинства жителей нашего городка эти заведения стали действительно недоступны. Вся экономика держалась на пенсионерах и военных. Руководство фабрики и завода плевало с высокой колокольни на указы президента и по-прежнему задерживало и без того мизерную зарплату. А недавно мать сделала открытие: деньги специально не платят вовремя, чтобы человек жил надеждой и не думал о досрочном увольнении. Многие вообще не ради денег на фабрику ходят, а за интерес

да по привычке. Хотя работа была. Но такая, на какой надо пахать, к чему наш русский обыватель мало приучен, поэтому все эти места заняты жителями южных республик. Готовые трудиться в силу экономических обстоятельств у себя на родине за гроши, они тянули зарплату всего города вниз. Молодежь и большинство трудоспособных мужчин уезжали на Севера да в столицу. Но и там не шли на стройки, а все норовили в охрану устроиться или зацепиться какими-нибудь менеджерами.

– В Москву едете? – спросила я, хотя ночью и так слышала, что он до конечной.

– Ну да, – подтвердил мужчина.

– Работать?

– Живу я там, – объяснил он и поинтересовался: – А вы?

– Тоже...

– Что тоже?

– Ну, в смысле, еду.

– Учиться?

– Ну да, – невнятно прожевала я, отчего-то решив, что мое вранье очень заметно.

Но он поверил и спросил:

– А куда?

– В Москву!

– Да я понял, что не в Якутск! – усмехнулся он. – Поступать куда?

Вот те раз! А вот об этом я как раз и не подумала! Надо было для приличия придумать ответы на такой случай. Куда я могу поступать? В голову, кроме как юрист, не лезла ни одна специальность. Неожиданно я вспомнила. Ну как же! А на учителя? Ну да, начальных классов. Я уже открыла рот, чтобы ответить, вернее, соврать, как он вдруг сам предположил:

– В театральный?

Я зависла. А почему, собственно, он так подумал? Так я выгляжу, наверное, как артистка! – дошло до меня. – Точно! Я совсем забыла, что внешность у меня словно с обложки.

– Конечно, в театральный, – выдавила я. – А как догадались?

– А куда еще с такой внешностью? – ответил мужчина вопросом на вопрос и стал рассуждать: – На юридический или на какой другой факультет и у вас можно поступить. Тот же железнодорожный есть. Поэтому вывод сам собой напрашивается, – с этими словами он свесил ноги и спрыгнул.

Я мельком скользнула взглядом по его лицу. Ничего себе дядька! В груди екнуло, а в животе запорхали бабочки. Красивый. Брюнет с голубыми глазами. У меня аж дух перехватило. Я о таких только по ночам мечтала. Даже его сонливость показалась милой, а небритый подбородок придавал шарма. Меня вдруг охватило непонятное состояние. Руки и ноги словно перестали слушаться, а мир сузился до небольшого клочка салфетки, лежащей на столе. Я почувствовала аромат его тела. Парфюм и легкий, кисловатый запах пота с душком табачного дыма.

«Господи! – пронеслось в голове. – А может, я влюбилась?»

От шальной мысли стало смешно, и я не удержалась.

Собственный смех показался мне ехидненьким и мерзким.

– Извините, – пролепетал попутчик и смущенно провел по торчащим в разные стороны волосам, видимо, решив, что я смеюсь из-за его внешности.

– Я просто подумала, что вы как ясновидящий, – выдала я и тут же поняла, что сморозила несусветную глупость.

– Почему? – Он уставился на меня удивленным взглядом.

– Ну, угадали сразу, куда еду, – промямлила я.

– Э-э-э, – протянул он и удивил еще больше: – Так я сам работаю в индустрии кино. Вот ездил в ваши края выбирать фактуру. Готовимся снимать новый фильм.

– Про что?

– Про провинциальную девочку, которая поехала покорять Москву.

«Это про меня, – подумала я с ходу. – Только надо поменять девочку на дурочку», – и снова прыснула со смеху.

– Так, – протянул он, оглядывая себя. – Ночью вроде как мне некому было подрисовать усы...

С этими словами мужчина встал, взял полотенце и вышел. Едва за ним закрылась дверь, я вскочила со своего места. Сначала дернулась к сумочке. Потом рука потянулась к двери. Я толкнула ее настолько, чтобы увидеть зеркало целиком. Поезд как раз стал набирать ход. Вагон шатало из стороны в сторону. Я приблизилась к зеркалу, чтобы получше разглядеть свое отражение, но тут дверь отлетела в сторону, и прямо перед моим лицом возникло лицо моего попутчика.

– Ой! – вскрикнула я.

– Ух! Извини! – попросил он прощения и тут же поправился: – Те!!!

– Можно на «ты»? – выпалила я.

Он встал на полки ногами, взял сверху какой-то пенал и снова вышел.

– Черт! – вырвалось у меня.

Я достала косметичку и стала спешно подводить глаза. Они у меня невыразительные при таком освещении. К тому же по утрам веки слегка припухшие.

Дверь распахнулась, и в купе вернулся мой попутчик.

– Марафет наводите?

– А фильм про что? – спросила я и улыбнулась.

– А Лолита нравится? – ошарашил он, садясь напротив.

– Лолита? – переспросила я.

– Ну да, – подтвердил мужчина. – Еще неплохой из девяностых «Греческая смоковница».

– Я не смотрела, – призналась я честно, хотя знала эти фильмы.

Отстойная эротика, на которую не стоит тратить время.

– Мне такие картины мама запрещает смотреть...

– Меня Артур зовут, – представился наконец попутчик.

– Меня Марта.

– Марта? – переспросил он с удивлением и похвалил: – Очень красиво!

– И оригинально, – добавила я.

– Марта, а не желаешь в ресторан?

– В ресторан? – оторопела я. Вот так вот, с места в карьер.

Между тем Артур достал сигареты и вопросительно посмотрел на меня.

Я покрутила головой.

– Правильно делаешь, Марта, что не куришь, – похвалил Артурчик и встал. – Терпеть не могу курящих женщин...

– Ну, допустим, я, например, мужчин не перевариваю, от которых табаком пахнет, – ляпнула я первое, что пришло в голову.

– Мужчин, – повторил он и снисходительно улыбнулся.

«Господи, а ямочки совсем как я мечтала!» – восхитилась я, а вслух спросила:

– Почему вы смеетесь?

– Ты слишком взросло произнесла это слово.

– Какое?

– Мужчина.

– Я вроде как паспорт уже давно получила, – разозлившись, ответила я. – Да и в ресторан уже приглашают.

– Не злись, – попросил он и вышел.

Я смотрела в окно и ругала себя за тупость.

Зачем я лезу в бутылку? Что я увидела в этом Артуре такого, что надо ершиться? Вполне себе нормальный мужик, без закидонов. Если подумать, то может и жизнь помочь устроить. Вдруг у него связи в Щукинке? А что, знаний для актера особо никаких не надо. Ни английский, ни физика там не нужны. Необходимо просто иметь хорошую память и уметь прикидываться. Видела пару раз в кино сюжеты поступлений. Будущие актеры рассказывают стихи или читают монологи. А что, подучу пару штук и в путь!

Я вышла в коридор. Напротив открытых дверей соседнего купе скучал парень. «Мой ровесник», – с ходу определила я и сразу пришла к выводу, что он тоже едет в Москву. Только цели у нас в этом месте расходятся. Он, наверное, учиться, а я... Я устраивать жизнь. Хотя учиться – это тоже в какой-то степени устройство будущего, но более скучное и не всегда перспективное. Еще я вспомнила, как выходила накануне вечером на перрон проветриться, а он на меня пялился.

– Привет! – поздоровался парень.

– Доброе утро, – буркнула я.

– Чего не в настроении?

– А у кого оно с утра бывает? – с ходу ответила я вопросом на вопрос.

– А как тебя зовут? – спросил парень, глядя на меня заинтересованным взглядом.

– Мы что, уже на брудершафт пили? – выпалила я.

– Смешная ты, – усмехнулся он и представился: – А я – Глеб.

– Марта.

– Как?

– Марта! – повторила я.

– Странное имя. Учиться едешь, Марта?

– Вроде как...

– Поступать?

Я кивнула.

– А я на второй курс перешел, – сообщил он с гордостью.

– Медицинского?

– Нет, МГУ.

– Ботаником будешь? – брезгливо спросила я.

Вместо того чтобы обидеться, он рассмеялся:

– Почему сразу ботаником?!

– Пошутила! – Мне тоже стало весело.

– Я к брату ездил, – стал рассказывать он. – Служит в армии.

– А сам откуда?

– Из Москвы.

– Странно, – вырвалось у меня.

В моем понимании, москвичи должны сидеть в своей Москве и носа не показывать в остальных местах страны. А тут второй попутчик, и все москвич.

– А где такие красивые девушки живут? – спросил Глеб.

– В Кушуеве...

– Кушуево, – повторил он и вспомнил: – Вчера проезжали.

– Я как раз там и села, – зачем-то сказала я.

– А в Москве у родственников жить собираешься?

– Нет. Квартиру сразу куплю.

Глеб снова рассмеялся. Отчего-то этот смех стал раздражать, и я насупилась.

– У меня мама живет в Люблине, – сообщил он таким тоном, словно похвастал.

– Ты это к чему сейчас сказал? – окатила я его надменным взглядом.

– А отец в Подмоскowie, – продолжал Глеб, словно не слыша вопроса.

– Я думаю, общежитие дадут, если поступлю, – соврала я.

– Ты на всякий случай адрес мой запомни, – неожиданно предложил он.

Я растерялась. Адрес, конечно, хорошо, просто все как-то быстро и нестандартно получилось.

– Зачем?

– Вдруг что-то надо будет?

– Не беспокойся, не понадобится, – резко отшила я его.

– И все-таки, – стоял он на своем.

Мне вдруг понравилась такая неординарная настойчивость, и я кивнула головой:

– Хорошо, говори!

– Ты запиши.

– Я запомню, – заверила я его.

– Смотри, – проговорил Глеб и стал диктовать.

И название улицы, и номер дома оказались запоминающимися.

Ну, кто не запомнит улицу с названием Люблинская в Люблине? А номер дома совпал с днем моего рождения. Квартира и вовсе – тридцать первая, тринадцать, наоборот, мое любимое число.

«Мистическое совпадение, возможно, неспроста», – отметила я про себя и пообещала:

– Если что, найду.

Все, осмотрелась и разведку произвела. В вагоне нет больше кандидатов, на которых можно обратить внимание. По крайней мере, в зоне прямой видимости.

– А телефон? – спохватился Глеб.

– И телефон давай, – поторопила я, намереваясь вернуться в купе.

Мне нужно было подготовиться к возвращению запропастившегося куда-то Артурчика. Ведь впереди еще целая ночь, и хотелось бы провести ее весело. Опыт подсказывал, такие, как этот красавчик, долго не страдают от одиночества. Дам отворот-поворот, и подцепит другая, более шустрая. Я даже не думала завести с ним знакомство на перспективу. Дураку ясно, у Артура наверняка есть более достойная спутница жизни и пара таких телок, что мне и рядом не стоять. А вот приятно провести время, нахвататься новых словечек и обкатать теоретические знания, превратив их уже в приобретенный опыт, надо! Я критически оглядела себя в зеркальце и села у окна.

Двери с грохотом отъехали, и купе заполнил собой Артурчик. Не вошел, а именно заполнил. И где он только успел все взять? В одной руке кандидат на совратителя малолеток, которые «не против», тащил какой-то пакет. В другой – красочно оформленную коробку конфет.

– Подумал и решил, зачем нам тащиться через весь состав, когда можно позавтракать и здесь? – сказал он и подмигнул. – Правильно?!

Я перевела эти слова по-другому. Вернее, нутром прочувствовала подтекст. А суть его сводилась к следующему: «Зачем нам куда-то идти, если вдвоем занимаем целое купе и можем здесь предаться плотским утехам, а не тратить драгоценное время на имитацию порядочности в каком-то ресторане?»

– Это хорошая идея! – выдавила я из себя через силу, вдруг представив, как он трогает мое тело своими руками, и испытал странный восторг.

Я больше не собиралась строить из себя недотрогу. Зачем? С этим самцом надо вести себя соответственно. Киношники народ ушлый, на раз просчитает, что вру, и отправит куда подальше. А еще хуже – засмеет. Пусть про себя, но зачем мне это?

Глава 6

На новом месте

Я разлепила веки и едва не застонала.

«Мама, роди меня обратно!» – прозвучало у меня в голове.

Я медленно и осторожно, чтобы не расплескать ставшие вдруг жидкой болью мозги, перевернулась на бок, потом села и тут же поняла, что мне по меньшей мере надо срочно поменять нижнее белье. Даже колени с внутренней стороны были липкими... Не мешало бы принять ванну или, на худой конец, постоять под душем, чтобы смыть все эти прелести ночных утех вместе с запахом. Но где все это взять в поезде?

– Жесть! – вырвалось у меня.

Придется обойтись мокрыми салфетками. Я представила все это в тесном отсеке туалета, качающегося вагона и повторилась:

– Жесть!

Меня мутило, а перед глазами все плыло, казалось, что купе наполнил какой-то туман.

Я огляделась. Столик был завален объедками, над которыми башней «Федерация» вышлась упаковка из-под апельсинового сока. По полу каталась пустая бутылка из-под вина и валялся неиспользованный презерватив. Вчера мы игнорировали средства защиты.

– Артурчик! – позвала я и ужаснулась собственному голосу. Нет, только не это! Только бы он не услышал это сипенье простуженной лягушки!

В ответ тишина.

За окном медленно проплывали огромные здания и тянулся какой-то перрон.

Странно, постель Артура была даже не заправлена.

Я встала.

«Неужели сдал белье?» – мелькнула мысль, и тут мой взгляд наткнулся на пустые вешалки.

– Значит, уже Москва, и он стоит в коридоре! – подумала я вслух и снова ужаснулась от того, как прозвучал мой голос.

Меня охватила паника. Почему не разбудил? Я потянула ручку двери, с трудом сдвинула ее и выглянула в проход. Там Артура тоже не было, след простыл.

«Странно, – размышляла я, продвигаясь по проходу и волоча впереди себя баул, забитый вещами, взятыми на первое время для жизни в Москве. – Он собирался сойти в Москве, а вышел на два часа раньше. Как сказала проводница? Гусь-Хрустальный? Чего он там забыл? Может, как протрезвел и понял, что всю ночь провел, по сути, со школьницей, от страха «крышу» сорвало? Вдруг подумал, что подстава? А что? Сплошь и рядом такие случаи. Много нашего брата, вернее, сестер, гораздых на такой развод. Сначала заявляют, что восемнадцать давно уже стукнуло, а после того как усталый боров свалится с молодого упругого тела, молодые годков так на пять... Косметика плюс акселерация и водка... Гремучая смесь для дегенератов. Никто не хочет оказаться педофилом. Поэтому многие расстаются не только с деньгами, но и квартиры дарят, и машины бегут покупать в ближайший салон... Но я не из таких. Да и не резон мне малолеткой прикидываться. Такие долго не живут».

Москва встретила промозглым ветром и сыростью.

– Приехали! – объявил таксист и выжидающе уставился в зеркало заднего вида.

Я открыла сумочку, расстегнула «молнию» кармашка и, что говорится, – зависла. Паспорт, календарик и визитка мажора. Двух хрустящих бумажек номиналом пять тысяч рублей не было.

– Долго еще? – поторопил таксист.

– Сейчас! – сказала я и заревела.

– Что такое? – с настороженным видом развернулся он на сиденье.

– Деньги пропали! – провыла я.

– Зато багажник у меня твоими вещами забит, – насмешливо напомнил таксист, – так что я не особо переживаю.

– Дяденька, поехали обратно на вокзал! – взмолилась я, еще не зная, что буду там делать.

– Плати – отвезу назад!

Деньги были. По крайней мере, я на это надеялась. Рассованные в разные места, как раз на такой случай, они не могли быть найдены все сразу, часть из них наверняка осталась. Но кто мог посягнуть на те, что я уложила с документами? Артурчик во время нашей попойки, а потом занятия сексом дверь держал закрытой. Два раза я выходила в туалет, а он покурить. Стоп! Тогда из самого ближнего к титану купе высунулся какой-то мужчина и как-то подозрительно смотрел на нас. Сколько мы отсутствовали? «Нет», – прогнала я эту мысль прочь. Сумочку я прятала под матрац в изголовье. Наверняка злоумышленник, оказавшись в купе, для начала стал бы исследовать вещи более уважаемого мужчины, чем какой-то соплячки. Тем более на моем месте, на подушке, валялся игрушечный медвежонок. Сразу понятно, где едет нищерброд. Выходит, если в купе и был воришка, то после ухода Артура. Я спала без задних ног. Вот он и поживился.

– Ну так что? – напомнил о себе таксист.

– Что? – встрепенулась я.

– Куда едем?

– Никуда, – приняла я решение и попросила: – Откройте багажник.

– Проезд оплати, получишь багаж!

– Так у меня деньги в чемодане! – призналась я.

Таксист уехал, оставив меня с вещами на мокром тротуаре. Сновали люди со злыми, видимо, из-за погоды, лицами, по дороге тянулась вереница машин. Нависшее над городом небо, казалось, держалось на шпильках высоток и крышах зданий.

Я огляделась. Где-то здесь нужный мне дом. Его адрес мне продиктовали по телефону. Человек, который сдавал внаем квартиру, бодро заверил, что встретит и даже поможет донести вещи.

Я достала телефон и набрала номер...

– Вы – Марта? – Голос из-за спины заставил обернуться.

Молодой мужчина в очках и кепке выжидающе ждал ответа.

– Ну да, – подтвердила я.

– Я – Гена, – представился он и спрятал в карман телефон.

– Очень приятно, – промямила я, вспомнив, что минуту назад плакала в такси и даже не удосужилась посмотреть на себя в зеркало.

– Все, бежим! – Он подхватил сумку в одну руку, чемодан в другую и устремился через арку.

Дом оказался старой постройкой. Широкие лестницы с витиеватыми решетками перил; кафель, вышарканный на площадках, и высокие потолки впечатляли своей монументальностью. Нужная квартира располагалась на третьем этаже.

– Здесь вообще известный профессор жил, – тараторил Геннадий. – Смотрели «Собачье сердце»? Так вот там точно такой дом у профессора Преображенского был. Ну, в той квартире он еще собаку в человека переделал...

– Ну да, ну да, – вторила я.

Между тем Геннадий бросил вещи, запустил руку в карман куртки и вынул оттуда связку ключей.

– Момент!

Он ловко открыл оба замка, выглянул на лестничный пролет, взял чемодан и сумку и кивком головы сделал знак, чтобы я вошла.

Квартира впечатлила с порога. Огромная прихожая, коридор, по бокам которого за дубовыми дверями располагались комнаты. Все убранство блестело полировкой, начищенной бронзой ручек и зеркалами. Под потолком, в зале, огромная люстра...

– А ванная! – суетился Геннадий. – Вы видели ванную?!

Он забежал вперед меня и открыл дверь.

Ванная была размером с гостиную квартиры родителей. С той лишь разницей, что там в хорошие годы могла собраться семья, чтобы встретить Новый год, потанцевать на свободном от стола пятачке, а здесь мылся один человек. Ну, максимум двое.

– И как? – спросил он.

– Класс! – с восторгом ответила я.

– Берете?

– Вы еще спрашиваете? Конечно, беру!

– Так! – Лицо Геннадия сделалось серьезным. – Забыл предупредить! – Он схватился за лоб, потом часто заморгал и безвольно уронил руки вдоль тела.

– Что? – спросила я, уже представляя, как волоку вещи из подъезда.

– Хозяин запросил немного больше!

– Но!

– Если не согласны, тут же на этой улице есть еще одна квартира по такой же цене, как мы и договаривались, – затараторил он. – Только там еще жиличка. Бабка, старая, правда, и скоро помрет. Все лежит, и к ней приходит сиделка. А если не приходит, хозяева этой квартиры доплачивают постоянно за уход.

– Еще чего! – завопила я. – Конечно, доплачу!

На самом деле я поняла, что он попросту «грузит». Но ничего не поделаешь – рынок. К этому я была готова.

Расставшись почти со всей «одолженной» у бабушки суммой, я закрыла за Геннадием дверь и пошла осматривать свои хоромы более подробно. Квартира была то, что надо. Она стоила тех денег, которые я оплатила за месяц вперед. За это время я планировала найти уже если не принца, то, по крайней мере, работу, которая позволит внести деньги за следующий месяц. В Москве зарплаты не чета нашим. Тут и подход к людям другой. Я вон выложила столько, сколько хватило бы, чтобы заплатить за год проживания в нашей гостинице...

Я обошла все комнаты, заглянула в каждый угол и стала разбирать вещи. Шкафы были пустыми. Ничего удивительного, ведь Геннадий сказал, что хозяева живут в Америке. Поэтому я развесила свои платья и костюмы на плечики. Куртку повесила в гардеробную. Это была целая комната с зеркалами и вешалками. В ванной, выставляя свои принадлежности, я заодно изучила вкусы и пристрастия прежних хозяев. К моему удивлению, на полках стояли шампуни и гели абсолютно разных ценовых категорий. Здесь туалетная вода от «Диор» и «Гуччи» соседствовала с «Шипром» и «Огуречным лосьоном», а крем «Калистар» и вовсе лежал вместе с тюбиком копеечной «Лаванды». Все флаконы были покрыты толстым слоем пыли, а мыло потрескалось...

– Странно, – пробормотала я, составляя и складывая эту роскошь в найденную в кладовой коробку. – Такое впечатление, будто здесь жили бомжи и профессора одновременно...

Еще больше удивила находка в кухне. В одном из шкафчиков под мойкой стояли пустые бутылки из-под спиртного. Здесь, как и в ванной комнате, я увидела и тару из-под дешевой водки, и очень дорогие коньячные бутылки.

Глава 7

Странный визитер

Я приползла домой, едва волоча ноги, и бросила сумочку прямо в коридоре. В горле першило. Еще бы, ведь накануне обожралась мороженого. Да, да, именно обожралась, а не наелась, не попробовала, не полакомилась и не отведала. Поскольку даже его мудреное название не стала запоминать. Гуляя по набережной, зашла в одно из многочисленных кафе, заняла место за столиком и заказала то, что подороже... Потом еще. До отвращения, до сонливости. Ловя на себе насмешливые взгляды официанток, я методично расправлялась с этим ледяным чудом, периодически прикладываясь к бокалу с минеральной водой. Да, да, вот так вот. Конечно, мороженого в своей жизни я ела вдоволь, но такое вкусное – впервые.

Сегодня я обошла ВДНХ и еще раз заехала на Красную площадь. Я уже вполне сносно ориентировалась в метро и быстро разобралась с пересадками. Как-то меня угораздило общаться с одним военным, и от него я узнала значение слова «рекогносцировка». Оно мне больше понравилось не содержанием, а заковыристостью и тем, что его почти никто из обычных людей не использует. На военном языке это что-то вроде изучения предстоящего театра военных действий. Так и я изучала Москву, как командир перед решающей битвой, и свои вылазки из квартиры, расположенной в Малом Басковом переулке, называла не иначе как рекогносцировкой.

Было уже поздно, и глаза сами собой слипались.

Не успела я пройти в комнату, как в дверь позвонили.

Теряясь в догадках, я сняла трубку домофона и посмотрела на экран. Перед дверью стоял какой-то мужчина, на вид – лет за пятьдесят. Он был в рубашке с коротким рукавом и светлых брюках.

– Хм! – вырвалось у меня. – Вы к кому?

– Здравствуйте! – поприветствовал он и спросил: – Танечка, это вы?

– Ммм... Э-э-э!

– Сергея Борисовича пригласите, пожалуйста! – попросил мужчина, не дождавшись ответа.

– Его нет! – вырвалось у меня.

– Тогда Антонину Петровну.

– Ее тоже нет, – ответила я, ломая голову над тем, кто это.

Среди вещей не было ни документов, ни фотографий хозяев квартиры, но я сделала вывод, что именно так их зовут.

Следующий вопрос поставил меня в тупик.

– Разве они не должны были вернуться?

– Откуда? – растерялась я.

– А с кем я говорю? – спохватился он.

– С автоответчиком! – выпалила я, прыснув со смеху, и повесила трубку. Экран вмиг погас.

Мужчина больше не звонил, но его визит оставил тень странной тревоги.

– Может, просто ошибся адресом? – размышляла я, лежа в ванной и мысленно перечислила возможных жильцов этой квартиры – Сергей Борисович, Антонина Петровна и Танечка. Наверное, дочь или, может, прислуга.

Я тронула рукоять. Мелкие пузыри, вырывающиеся со дна ванны, стали увеличиваться в размерах, и шипение сменилось бульканьем. Третий день изучаю назначение никелированных ручек и рычажков и до сих пор не знаю, как пользоваться всеми возможностями этой кра-

соты. Повернешь одну, вода начинает бурлить под спиной, тронешь другую – и пузырится уже в ногах, нажмешь на третью, и становится сразу горячо...

Я дотянулась до стоявшего на краю ванной бокала и, медленно отпивая из него, совсем как в кино, вдруг вспомнила Артура, бурно проведенную ночь в купе и вслух проговорила:

– Надо тебя, касатик, завтра найти!

Мои попытки найти Артурчика во Всемирной паутине не увенчались успехом. Мужчин с такой фамилией и именем было много, но ни один из них даже близко не стоял с моим попутчиком. Тогда я набрала в поисковике адреса киностудий, и меня взяла оторопь. В одной только Москве их было почти полторы сотни. Однако я взяла себя в руки и стала изучать каждую из них. На основании отзывов и реклам вскоре поняла, что художественные фильмы снимают не все, большинство ограничиваются рекламными роликами или клипами. Тогда я немного подумав, набрала номер самой главной и всегда крутившейся на слуху – «Мосфильм». На другом конце ответил автоответчик, известивший меня бодрым голосом, что я могу оставить свое сообщение после звукового сигнала. Тогда я набрала вторую, в названии которой было вкручено английское: «Продакшин».

Здесь мне ответил приятный женский голос:

– Слушаю вас.

– Это киностудия?

– Да, это киностудия. Но на сегодня актеры уже не нужны, – ответили мне.

– Что вот так, с ходу и в актеры? – недоумевала я.

– Вы по какому поводу? – справились на другом конце.

– А о каких актерах вы только что говорили?

– Я же сказала, что на сегодня мы уже закрыли все вакансии...

– Девушка, вы не поняли...

– Для съемок в массовках на передачу «Жди его, и он придет» согласны завтра прийти? – между тем спросила деловым голосом девушка.

– Нет, я не по этому поводу. У вас работает Артур Котляров?

– Мы справок не даем, – сухо бросила девушка и отключилась.

Я твердо решила на следующий день съездить на «Мосфильм». Нет, Артурчика я уже искать не собиралась, поскольку поняла, что дело это бесперспективное. Более того, у меня закралось сомнение в правдивости его рассказа. А еще я вдруг заподозрила, что этот красавчик поимел меня не только как женщину, но и как обыкновенную лохушку. А вот этого я уже постараюсь просто так не оставить. Для начала я просто решила разузнать о том, как готовятся съемки. Кто ищет места для них, кто подбирает, как выразился Артурчик, фактуру.

Но следующий день внес свои коррективы. Правда, не сразу.

– Марта?! Никитина Марта Александровна?! – допытывался в трубку мужской голос.

– Да, это я, – неуверенно подтвердила я, поскольку понятия не имела, кто пытается до меня дозвониться.

– Это вас беспокоят из компании «Колесо фортуны»? – объявил мужчина.

И тут я вспомнила. Точно, буквально на следующий день после приезда я отправила свое резюме на должность секретаря в эту компанию. Вернее, компания в объявлении называлась просто двумя буквами «КФ». А теперь я знала и ее полное наименование.

– Да, я отправляла вам свое резюме, – подтвердила я.

– Мы его рассмотрели! – радостно сообщил мужчина и поинтересовался: – В какое время вам будет удобно подойти к нам на собеседование?

– Мне все равно, – ответила я, стараясь показать, что у меня есть возможность перебирать предлагаемые варианты.

– Мы ждем вас с дипломом и паспортом по адресу...

– С дипломом? – удивилась я и тут же напомнила: – У меня в резюме ясно указано, что за плечами соискателя всего лишь школа и компьютерные курсы.

– Неважно, – заверил мужчина после небольшой паузы и стал диктовать улицу и номер дома.

Глава 8

Я уже другая

– Имейте в виду, – медленно проговаривала каждое слово Лиза, – вас в первую очередь берут в компанию лишь из-за внешних данных. Еще у претендента на эту должность должна быть хорошая память и отсутствовать вредные привычки. Хотя, – томно улыбнулась она, – в процессе работы они у многих появляются.

Про таких, как она, говорят – женщина-вамп. Высокая, стройная, уверенная в себе, холерная, с надменным взглядом хищницы, Лиза сидела на краю кресла, кокетливо сдвинув колени и слегка развернувшись ко мне боком. По-видимому, столик, украшенный вазочкой с печеньем, и две чашки чаю должны были сделать беседу непринужденной и доверительной. Но у меня захватывало дух от вида, открывающегося за ее спиной. С высоты птичьего полета, через огромную стену из стекла я видела город в утренних лучах солнца. Отчего-то мне показалось это символичным. Вот так же передо мной открывается сейчас перспектива жизни! А что бы я видела в этот момент, останься дома по совету матери и поступи в колледж? Из окна нашей хрущевки можно наблюдать лишь часть двора, и как раз ту, в которой установлены мусорные контейнеры.

– Это что же за работа такая у референта секретаря, что она в процессе нее начинает пить и курить? – спросила я и добавила: – А в перспективе я не стану наркоманкой?

– Это зависит от человека, – на полном серьезе ответила Лиза.

Обескураженная перспективами и неудовлетворенная ответами своего будущего работодателя, я задала вопрос напрямую:

– Я что, должна буду спать со своим начальником?

– Угадала! – воскликнула с деланным восхищением женщина-вамп и уточнила: – И не с одним...

От такого ответа я аж поперхнулась. Нет, спать – это давно привычное, и даже приятное дело. Особенно если тот, с кем ты делишь ложе, и сам ничего себе человек. Меня поразил тот факт, что предложение стать проституткой поступило на такой, в прямом и переносном смысле, высоте Москва-Сити. Презентабельный вид встретившего внизу охранника, скоростной лифт, обходительная секретарша в огромной приемной... Я обвела взглядом роскошный интерьер кабинета, стол, за которым отчего-то не стала меня принимать его хозяйка, и снова уставилась в эти хищные глаза карего цвета.

– Нет, это не то, о чем вы подумали! – поспешила она успокоить меня. – Да и не сразу у вас появятся клиенты...

– Я, простите, должна еще и обучение пройти?

– Конечно! – восхитилась Лиза моей проницательности. – Вы сейчас как камень. Просто глыба, из которой в течение нескольких месяцев будут высекать красивую и изящную вещь...

«Интересно, а полиция знает о таких заведениях?» – думала я спустя час, поедая очередную порцию мороженого в уже знакомом мне кафе. Видимо, я запомнилась здесь своей неординарностью, поскольку встретили меня не только как дорогого гостя, но еще и спросили:

– Вам как всегда?

Вместо ответа я просто кивнула и уселась на свое место.

«А может, зря я отказалась? – пришла в голову мысль. – Можно ведь было и потерпеть! Вдруг все не так страшно, как кажется? Да и подучиться не мешало. Можно было вообще пройти обучение, а потом сбежать! – осенило меня, на что я сама же себе и ответила: – Дудки! Тут наверняка такие уже были. Отберут паспорт, и буду потом отрабатывать передком это обучение, пока в мочалку не превращусь. Нет уж, будем искать что-то другое. На худой конец,

пойду в магазин. Ничего страшного. В какой-нибудь бутик, вещи продавать. Продавцы там круглые сутки ничего не делают. Просто стоят».

Так или иначе, но после разговора с Лизой я вышла немного другая. Сначала не могла понять, что во мне изменилось, и только спустя некоторое время до меня дошло: я была горда тем, что отказала этой холеной и породистой самке, что способна на поступки. Тем более такие. Ведь на самом деле, что ни говори, такие предложения поступают одной из ста, если не больше, девчонок. И наверняка я немногая из тех, кто отказался. Это было видно даже по глазам моей собеседницы. Где-то в глубине ее глаз, кроме злости, я разглядела возникшее на мгновение уважение. К тому же мы не расстались навсегда, по крайней мере, по ее мнению. Ведь Лиза все же снизошла до того, чтобы протянуть мне визитку и даже бросить короткое:

– И все же подумайте.

Тем самым она подтвердила, я имею превосходные внешние данные, и это не мое субъективное мнение. Воодушевленная тем, что не зря потратила день, я уже отодвинула от себя вазочку, когда за соседний столик уселись двое парней и девчонка. Я сразу оценила их прикид. Парни были одеты в дорогие и стильные вещи. На том, что сидел спиной ко мне, одна футболка стоила зарплаты моей матери за месяц. На запястье его дружка красовались часики, от вида которых я вообще давно отвыкла. Я быстро оценила и их подружку. Простенькая блузка, джинсы и кроссовки за копейки... Понятно, парни подцепили ее где-то в городе и теперь будут крутить на секс. Наверняка познакомились в одном из вузов, куда девушка приехала поступать на поезде или на трамвае, а они на крутых тачках. У нее не было подружки, а у одного из парней пары. Поэтому я отодвинула вазочку, но не встала из-за стола, а достала телефон и стала набирать очередную эсэмэску подруге...

Глава 9

Переломный момент

– Ты откуда приехала?! – прокричал через стол Фрол.

Я сделала вид, будто не расслышала, и нарисовала пальцем рядом с ухом круг. Фрол был из той обоймы франтоватых москвичей, которые прожигали жизнь и деньги родителей в ночных клубах столицы. Я тусила в его обществе вторые сутки, но к телу не подпускала. Странно, что он только сейчас спросил, откуда я. То, что не местная, и так ясно. Я строила из себя пугливую недотрогу, но в меру раскрепощенную. Видов никаких я на него не делала. Это просто был тот человек, который должен был провести меня в свой круг. Мне надо завязать знакомства и как-то проявить себя, чтобы завоевать уважение. Глядишь, выплывет и тот брюнет из снов и подмигнет голубым глазом. А пока Фрол должен был стать для меня здесь, в Москве, кем-то вроде Лешки-Контекста...

– Слушай, а ты где остановилась?! – спросил он.

– Тут недалеко! – неопределенно махнула я рукой. – Родственники дали ключи от хаты!

– А сами на даче?! – гадал он.

– Дальше! – ответила я на полном серьезе. – В Штатах...

– У-у-у! – протянул он и вставил в рот сигарету.

Я поморщилась, давая понять, что не переношу дыма. Он неожиданно понял и вытащил ее изо рта.

– Спасибо, – улыбнулась я.

– А кто они? – возобновил Фрол начатый разговор.

– Ты о ком?

– О родственниках.

– Не знаю, – ответила я. – Дипломаты, кажется...

Фрол стал раздевать меня еще в прихожей. Молодец! Не люблю липких разговоров, если настроилась на что-то конкретное. Уже все друг другу сказали. Сначала в клубе, потом в машине. Фрол водил классно, и я собиралась попросить его познакомить меня с Москвой и разрешить сесть за руль. А что, надо было привыкнуть к вождению в столице. А как это сделать, если нет машины и хорошего инструктора, тире гида? Я ведь привыкла гонять лишь по нашему городку, с тремя светофорами и одним пешеходным переходом. Не буквально, конечно, но почти. Правил у нас знать необязательно. А здесь от одних только разметок голова кругом. Он сейчас меня вез по Тверской, а казалось, будто едем по площади, забитой машинами.

Фрол накрыл мой рот поцелуем и стянул ремешок сумочки с плеча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.